Цена 3 коп.

К борьбе за рабочее дело будь готов!
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПИОНЕРСКАЯ ПРАВДА

ОРГАН ЦК и МК ВЛКСМ

30 января 1935 года, среда, № 14 (1484).

28 января в Большом Кремлевском дворце открылся VII Всесоюзный С'езд Советов

Президиум VII Всесоюзного С'езда Советов слушает доклад товарища В. М. МОЛОТОВА. На снимке: товарищи СТАЛИН, КАГАНОВИЧ, ВОРОШИЛОВ, КАЛИНИН, ОРДЖОНИКИДЗЕ, КОСИОР, ПЕТРОВСКИЙ, СУЛИМОВ, ЛЮБЧЕНКО, ФИЛАТОВ, МУСАБЕКОВ и РАХИМБАЕВ.

ДЕМОНСТРАЦИЯ ЕДИНСТВА И МОЩИ

С'езд открылся 28 января ровно в 5 часов вечера. За пять минут до открытия зал заседания был полон. 1.974 делегата с решающими голосами, группируясь по республикам, краям и областям, которые они представляют, заняли свои места.

Как не похож этот белый, чудесно отделанный зал на прежний, аляповато расцвеченный Андреевский зал с его бесчисленными двуглавыми орлами, медалями и прочими регалиями!

Простота линий белого мрамора удивительно гармонирует со строгими формами дубового дерева трибун и скамей. Зал вытянулся в длину, стал шире и выше. Самый воздух в зале стал прозрачнее и яснее.

Строгая и торжественная простота зала соответствует собранию, открывающемуся в этом зале сегодня. Вот они, две тысячи представителей ста семидесятимиллионного трудового народа. Кость от кости его, плоть от плоти его.

Они с'ехались сюда со всех концов Советской земли, от всех народов, населяющих Советский Союз. Они говорят на десятках языков, но прекрасно понимают друг друга, потому что они действуют заодно и умеют говорить на одном языке — языке пролетарской революции.

Это—не профессиональные парламентарии, профессией которых является болтовня. Это—люди труда и борьбы. Рабочие, колхозники, инженеры, красноармейцы, командиры Красной Армии, работники местных советов, научные работники—вот из кого состоит с'езд.

Все места заняты, но в зале тихо. Ровно пять часов. Тишины больше не стало. В зале ураган аплодисментов. Все встают и радостным шумом рукоплесканий, криками «ура» встречают стальное руководство большевистской партии и советского правительства. К столу президиума подходят товарищи **Сталин, Молотов, Каганович, Калинин, Ворошилов, Орджоникидзе, Микоян, Чубарь, Петровский, Рудзутак, Енукидзе.**

Овация длится долго, долго, но никто из делегатов не хочет садиться. Не умолкает буря аплодисментов и криков «ура». Бесконечна любовь с'езда к лучшим людям партии и страны.

Овации, напоминающие шум морского прибоя, стихают лишь для того, чтобы через минуту-две возобновиться с новой силой. Когда потом товарищ **Василенко** зачитывает список предлагаемых кандидатур в члены президиума с'езда, зал встречает аплодисментами каждое имя, знакомое всем трудящимся, каждое имя, которым гордится наша родина. А когда называется имя — Сталин, овации и крики «ура» превосходят все, что было до того.

— **Да здравствует товарищ Сталин! Да здравствует наш Сталин!**—на разных языках произносятся эти слова в разных концах зала.

Приветствия переходят в пение **«Интернационала».** Весь зал поет пролетарский гимн, и снова долго гремят аплодисменты.

За этими восторженными приветствиями, вылившимися сами собой из глубины сердец, слышится голос ста семидесятимиллионного народа, бесконечно преданного своим вождям, обожающего великого **Сталина.**

В замечательных этих овациях выражалось сплоченное единство с'езда, единство всей страны, торжество победителей и грозное предупреждение врагу.

Первые слова открывавшего с'езд товарища Калинина были посвящены скорби о безвременно умершем товарище **Куйбышеве** и убитом рукой врага рабочего класса Сергее Мироновиче **Кирове.**

С'езд встал молча, и молчание это было не только скорбью, но и готовностью к борьбе.

После вступительного слова М. И. Калинина с'езд избирает президиум в составе 38 человек и мандатную комиссию. Утверждаются регламент и порядок дня с'езда.

Председателем с'езда при бурных аплодисментах избирается товарищ **М. И. Калинин,** секретарем с'езда — товарищ **А. С. Енукидзе.**

Слово предоставляется председателю Совета Народных Комиссаров СССР **В. М. Молотову.** Делегаты, стоя, бурными аплодисментами, переходящими в овацию, встречают главу советского правительства.

Блестящий доклад товарища Молотова выслушивается с огромным вниманием. Силой и могуществом Советского Союза веет от доклада председателя Совнаркома. Факты, приводимые им, поразительны, характеристики его метки, а шутки остроумны. Доклад то и дело прерывается аплодисментами. Часто раздается смех по адресу тех, кого вышучивает докладчик.

Во всех областях работы советского правительства: и в области отношений с другими странами, и в борьбе за мир, и во внутренних делах — промышленности и сельском хозяйстве—за 4 года отчетного периода имеются огромные успехи. Во всех областях Советский Союз растет и развивается. Есть чему подводить итоги.

Товарищ Молотов сделал обзор отношений Советского Союза со всеми странами мира. Когда он упомянул о дружественных отношениях Советского Союза с Турецкой республикой, с'езд длительными аплодисментами приветствует турецкого посла, присутствующего на с'езде среди дипломатического корпуса. Турецкий посол господин **Васыф Чинар** встает и, подняв руки, горячо приветствует делегатов с'езда.

Заслушанием доклада Молотова закончилось первое заседание VII С'езда Советов.

Состав президиума VII С'езда Советов Союза ССР

1. **Айтаков Н.**
2. **Ахунбабаев Ю.**
3. **Берия Л. П.**
4. **Блюхер В. К.**
5. **Бондарь И. И.**
6. **Буденный С. М.**
7. **Вельш А. А.**
8. **Ворошилов К. Е.**
9. **Голодед Н. М.**
10. **Горький М.**
11. **Дампилон И. Д.**
12. **Енукидзе А. С.**
13. **Жданов А. А.**
14. **Исаев У. Д.**
15. **Каганович Л. М.**
16. **Калинин М. И.**
17. **Киселев А. С.**
18. **Косиор С. В.**
19. **Крупская Н. К.**
20. **Крутов Г. М.**
21. **Кутяков И. С.**
22. **Любченко П. П.**
23. **Молотов В. М.**
24. **Мусабеков Г.**
25. **Орджоникидзе Г. К.**
26. **Петровский Г. И.**
27. **Постышев П. П.**
28. **Рахимбаев А. Р.**
29. **Рудзутак Я. Э.**
30. **Сталин И. В.**
31. **Струппе П. И.**
32. **Сулимов Д. Е.**
33. **Туполев А. Н.**
34. **Филатов Н. А.**
35. **Ходжаев Ф.**
36. **Червяков А. Г.**
37. **Чубарь В. Я.**
38. **Шверник Н. М.**

27 января страна хоронила Валериана Владимировича КУЙБЫШЕВА

ТРАУРНАЯ ПРОЦЕССИЯ НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ. Урну с прахом В. В. КУЙБЫШЕВА несут его друзья и соратники во главе с товарищами СТАЛИНЫМ и ВОРОШИЛОВЫМ.

ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ

Едва лишь открыли двери Колонного зала, и тотчас двумя потоками двинулись рабочие, военные, научные работники, дети, и казалось, что людской поток никогда не иссякнет.

Школьники шли с широко раскрытыми глазами, точно они хотели навсегда запомнить день прощания страны с В. В. Куйбышевым и унести в своей памяти и тихую грустную мелодию, и склоненные в трауре знамена, и лица большевиков, несущих почетный караул у праха Валериана Владимировича.

Пятилетний малыш в шинели, сын летчика, Эдуард Мельников, идет с цветком в руках. Он бережно кладет свой живой цветок с голубыми лепестками к подножию постамента и прикладывает записку, написанную большими неровными буквами: «Прощай! Товарищ Куйбышев! Эдуард Мельников».

Как бы отмеривая время, каждые пять минут сменяется почетный караул.

Делегаты Всесоюзного с'езда советов... Группа членов Общества старых большевиков во главе с товарищами **Ярославским, Шелгуновым, Ленгником, Самойловым...** Родные и близкие, сын, дочь, сестра... Партийные, советские и профсоюзные деятели — **Любченко, Варейкис, Шверник, Пахомов, Косарев, Яковлев, Криницкий, Николаева, Полонский, Гринько, Розенгольц, Лозовский, Лобов, Уханов, Чудов...** Известные всему миру полярники—**Шмидт, Ушаков...** Челюскинец-писатель Сергей **Семенов...** Военные работники — **Буденный, Эйдеман, Корк, Кутяков...**

В 2 часа дня обрывается человеческая нить, тянувшаяся со всех концов Москвы к Колонному залу.

Виднейшие люди страны, члены ЦК и правительства окружают останки Валериана Владимировича.

В 2 часа 55 минут в притихший зал входят вожди партии. Десять минут стоят в почетном карауле товарищи **Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов, Калинин, Орджоникидзе, Косиор, Постышев, Микоян, Рудзутак, Чубарь.** Они молча прощаются со своим соратником и другом, который вместе с ними, с этой железной когортой большевиков, боролся под одним ленинским знаменем за лучшее будущее человечества.

Оркестр играет «Пятую симфонию» Чайковского. Звуки вздымаются ввысь, они как бы раздвигают стены Колонного зала, чтобы вдруг с новой силой ринуться на людей, молча прощающихся с товарищем Валерианом... Три курсанта с приспущенными знаменами открывают траурное шествие. Руки **Сталина, Молотова, Кагановича, Ворошилова, Калинина, Орджоникидзе, Микояна, Чубаря, Рудзутака,** друзей и соратников поднимают урну с прахом Куйбышева. Раскатами **«Интернационала»** прощается Колонный зал с большевиком.

Медленно движется шествие через площадь Революции. Соратники и друзья Валериана Владимировича передают из рук в руки урну с его прахом.

Серый облачный день. Ветер шевелит креп на знаменах и ленты венков. Большой рекой шествие вливается в проезд Исторического музея. В 3 часа 25 минут траурная процессия вступает на Красную площадь. Урна — в руках **Сталина, Молотова, Кагановича, Ворошилова, Калинина, Орджоникидзе, Чубаря, Рудзутака.**

Процессию встречают на Красной площади делегаты Всесоюзного с'езда советов, делегации заводов и фабрик, красноармейских частей и учебных заведений.

Урну с прахом ставят на постамент против мавзолея Ленина. На левое крыло мавзолея поднимается **Сталин.** За ним идут **Молотов, Каганович, Ворошилов, Калинин, Орджоникидзе, Косиор, Микоян, Чубарь, Постышев, Петровский, Рудзутак, Литвинов, Крестинский, Филатов, Хрущов, Булганин, Червяков, Мусабеков, Ингулов, Атабаев, Рахимбаев.**

В 3 часа 30 минут товарищ **Чубарь** открывает траурный митинг и предоставляет первое слово председателю Совнаркома Союза ССР товарищу **Молотову.**

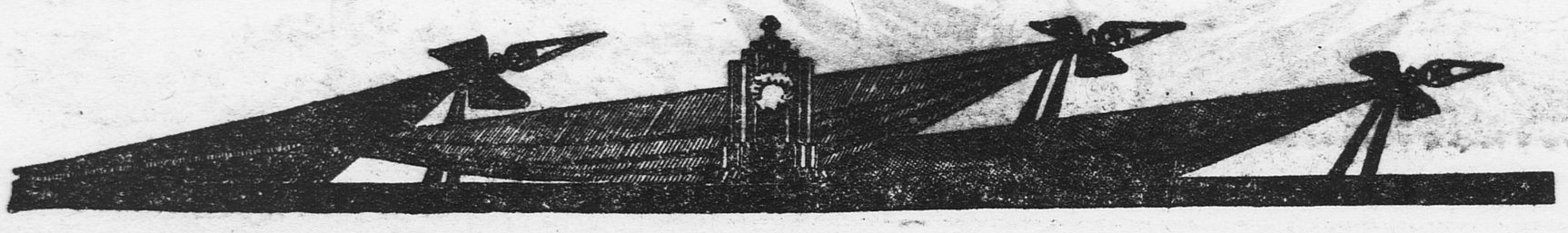
От имени большевиков и трудящихся Москвы и области говорит товарищ **Филатов.** Затем к микрофону подходят представители всех союзных республик — Украины, Белоруссии, Закавказья, Узбекистана, Туркмении, Таджикистана.

Весь путь большевика — от юноши, в 16 лет связавшего свою жизнь с делом рабочего класса, до государственного деятеля, — образ Куйбышева встает в речах представителей братских республик. О Куйбышеве, о товарище Валериане всегда будут помнить от Омска, где он впервые прошел школу революции, до республик Средней Азии, где он в 1934 году помогал организовать сбор хлопка.

В серых сумерках над площадью с гулом проносятся самолеты, салютующие железному большевику.

В 4 часа 20 минут товарищ Чубарь объявляет траурный митинг закрытым.

Товарищ **Сталин,** члены Политбюро и правительства несут урну к Кремлевской стене. В 4 часа 25 минут раздаются залпы орудий. Урну с прахом Валериана Владимировича замуровывают в Кремлевскую стену. В орудийные залпы вплетаются звуки «Интернационала». Сружьями наперевес через площадь проходят бойцы Пролетарской дивизии, красная кавалерия и многочисленные рабочие делегации.



Город Куйбышев

На траурных митингах в день смерти товарища **Куйбышева** трудящиеся **Самары, города, где Валериан Владимирович в 1916 году возглавлял подпольную большевистскую организацию, был организатором и руководителем Октябрьского переворота,—просили советское правительство переименовать Самару в город Куйбышев.**

27 января Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР постановил переименовать:

Город Самару — в город КУЙБЫШЕВ;

Средневолжский край—в КУЙБЫШЕВСКИЙ КРАЙ.

***

Дореволюционная Самара была купеческим городом, одним из центров хлебной торговли на Волге. До империалистической войны в Самаре никакой промышленности, кроме мельниц, пивоваренного завода, макаронных и колбасных фабрик, не было. Лишь в годы войны был открыт трубочный завод, на котором — под фамилией Адамчик работал в 1916 году большевик Валериан КУЙБЫШЕВ.

Город Куйбышев совсем не похож на старую Самару. Это — большой краевой центр. Прежние пыльные улицы, покрытые булыжником, оделись сейчас в асфальт, выросли новые многоэтажные дома.

За последние годы город Куйбышев стал центром не только пищевой, но и металлообрабатывающей промышленности. Были построены завод киноаппаратуры, станкостроительный и карбюраторный заводы.

В 1916 году в Самаре было 164 тысячи жителей. В городе Куйбышеве — 270 тысяч жителей.

В Куйбышеве — 7 высших учебных заведений, 5 рабфаков и 13 техникумов. В них обучаются 12.960 студентов.

Куйбышевский речной порт — одна из самых крупных и благоустроенных портов на Волге. Здесь построены большие судоремонтные мастерские и специальный нефтеперевалочный пункт, в котором нефть, идущая по Волге, перекачивается в железнодорожные цистерны и отправляется в Сибирь и Среднюю Азию.

Самара была пыльным, грязным, ленивым городом старой России. **Город Куйбышев становится городом социалистической культуры, одним из индустриальных центров страны, в котором бьется горячий пульс нашей великой эпохи.**

***

27 января радио принесло трудящимся Самары волнующую весть о постановлении Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР. Постановление о переименовании Самары в город Куйбышев и Средневолжского края в Куйбышевский край встречено рабочими и колхозниками края с чувством глубокой радости, с большим подъемом.

Вечером 27 января состоялся пленум Куйбышевского городского совета и городского комитета партии. Пленум принял обращение ко всем рабочим и трудящимся города:

«Будем же с честью носить имя товарища Куйбышева. Оправдаем доверие правительства тем, что положим все свои силы на борьбу за новые победы социалистического строительства. Превратим город Куйбышев в образцовый город нашей страны. Добьемся того, чтобы светлый образ верного ученика **Ленина** и лучшего соратника нашего великого вождя товарища **Сталина** — Валериана Владимировича **Куйбышева** — был образцом и примером для широких пролетарских масс нашего города.

Превратим пролетарский Куйбышев в несокрушимую гранитную опору нашей великой партии».

***

Дело чести и пионерской организации города Куйбышева своей учебой, работой показать себя достойными имени славного большевика.

МИТИНГ ПАМЯТИ КИРОВА В „ГОРОДЕ ЗАБЫТЫХ ЛЮДЕЙ"

«Правда» печатает письмо из коммунистической газеты **«Канадский гудок»**, выходящей в Канаде на русском языке, о митинге памяти Сергея Мироновича **Кирова** в Лос-Анжелосе.

Город Лос-Анжелос, в Калифорнии, славится обилием нищих, бездомных и блуждающих в поисках работы людей. Сотни тысяч безработных со всех концов Соединенных Штатов стекаются сюда в зимние месяцы в надежде получить работу на фруктовых плантациях.

Одни из самых беднейших районов расположен в трех кварталах от самой богатой части города—от улицы Бродвей, на которой расположены богатейшие магазины, банки, конторы, театры, музеи.

Рядом с этими несметными богатствами лежит царство нищеты и убожества. Тут расположен нескончаемый ряд жалких наемных контор по приисканию работы и далеко в разные стороны раскинувшиеся трущобы.

Здесь дешевле всего человеческий труд. На все самые тяжелые и низкооплачиваемые работы людей посылают отсюда.

Большинство бездомных этого района ночует под мостом. Ночью они разводят костры и сушат свои жалкие отрепья. Блюстители «порядка» с дубинками, с слезоточивыми газами, надеясь разогнать обитателей этого города, выросшего за годы кризиса, не раз приходили к мосту. Но получали каждый ра решительный отпор.

В ночь на 23 декабря я имел великое счастье быть в кругу этих несчастных, но близких мне по классу товарищей. Я был на митинге памяти Кирова.

Над рекой Лос-Анжелос, в пролете моста был вывешен огромный портрет **С. М. Кирова.** Портрет отражался в воде, сливаясь с отблеском фонарей.

Тысячи рабочих оцепили тесным кольцом берег реки и с затаенным дыханием слушали выступавших ораторов. Простыми и ясными словами эти ораторы рассказали собравшимся о великом горе, постигшем трудящихся Советского Союза и всего мира, о смерти доблестного большевика и великого человека—Сергея Мироновича Кирова, убитого предательской пулей.

— Классовый враг думал нанести смертельную рану революции. Но преждевременная смерть Кирова создаст тысячи других Кировых,—говорили выступавшие.

Гимн тысяч пролетариев гремел над рекой, а Киров, как живой, стоял на воде и как бы производил смотр трудящимся.

Много раз мне приходилось бывать на митингах, но такой я видел первый раз в жизни. Городская беднота, «забытые люди» Лос-Анжелоса сумели показать, что они глубоко чувствуют потерю трудящимися великого большевика — **Сергея Мироновича Кирова».**

БЕССТРАШНЫЙ РАКОШИ

В Будапеште (столица Венгрии) уже несколько дней продолжается фашистский суд над вождем венгерской компартии товарищем МАТИАСОМ РАКОШИ.

Ракоши с 16-летнего возраста участвует в революционном рабочем движении. Он был одним из руководителей борьбы за Венгерскую советскую республику. Его имя связано с созданием венгерской красной армии, с героической обороной Шалгортьянского угольного бассейна, который венгерские горняки в 1919 году с оружием в руках защищали от интервентов и белогвардейцев.

Товарищ Ракоши — бесстрашный, мужественный революционер, стойкий борец за дело рабочего класса.

Вот почему его так ненавидят фашисты.

В 1925 году товарищ Ракоши был арестован в Венгрии. Его судили. Суд приговорил Ракоши к 8½ годам тюремного заключения. Фашисты не посмели приговорить его к смертной казни, вследствие бурных выступлений протеста трудящихся в многочисленных странах.

Восемь с половиной лет прошли. Товарищ Ракоши в тюрьме сохранил непоколебимый дух революционера. Ни насилия, ни издевательства, ни карцер не сломили его.

Но венгерские фашисты не успокоились. Они затеяли новый суд против Матиаса Ракоши. Они снова судят товарища Ракоши за то, что он участвовал в венгерской пролетарской революции в 1919 году, за то, что он входил в состав венгерского советского правительства.

Против товарища Ракоши выставили свидетелей — кулаков, помещиков, попов.

Один из свидетелей вспоминает о «преступлении», совершонном коммунистами. Он рассказывает о том, что в его поместье конфисковали несколько свиней, и зло подчеркивает: «для того, чтобы кормить пролетарских детей».

Это называется преступление!

Товарищ Ракоши стойко держится на процессе. Он хладнокровно и с иронией разоблачает расставленные ему во время допроса ловушки. Он следует примеру бесстрашного героя **ГЕОРГИЯ ДИМИТРОВА.**

Подобно Димитрову он проявляет исключительное мужество. Скамью подсудимого он превращает в трибуну, с которой клеймит фашистов.

Пролетарии **Америки, Чехословакии, Швеции** на многочисленных митингах, собраниях, демонстрациях протестуют против суда над товарищем Ракоши.

Международный пролетариат борется за то, чтобы вырвать героического Матиаса Ракоши из рук фашистских тюремщиков.

Привет бесстрашному большевику Ракоши!

Свободу Ракоши!

Товарищ МАТИАС РАКОШИ в зале суда.

□ □ □ □ □

БУДЕМ, КАК КИРОВ!

Мы, юные друзья Международной красной помощи города *Санвик* (Франция), в знак памяти товарища *Кирова* решили назвать нашу пионерскую группу его славным именем.

Мы хотим собрать под знаменем отряда имени *Кирова* возможно большее количество детей рабочих, хотим стать такими же крепкими революционными борцами, как он.

ПИОНЕРСКАЯ ГРУППА ИМЕНИ КИРОВА.

□ □ □ □ □

Пионеры мира

ДВЕНАДЦАТЬ НЕДЕЛЬ ЗАБАСТОВКИ

В Требаноге в начале учебного года разрушилась школа. Ребят хотели направить в другую школу за три километра от прежней.

Школьники вместе с родителями об'явили протест и потребовали, чтобы министерство построило новую школу. Министерство не удовлетворило требований, и ШКОЛЬНИКИ ОБ'ЯВИЛИ ЗАБАСТОВКУ. Были выставлены пикеты, которые задерживали отдельных ребят, срывавших забастовку приходом в школу.

В начале забастовки были случаи, когда менее сознательные ребята и малыши все же шли в школу, но после раз'яснения пикетчиков посещения школы прекратились совершенно.

В забастовке участвовало 280 детей. Был избран забастовочный комитет, в который вошли ребята и представители от родителей.

Власти старались всеми силами заставить детей итти в далеко расположенную от дома школу. Властями было выпущено воззвание и родителям. Когда и это не подействовало, то вывесили приказ, что родители, которые не отправят своих детей в школу, будут штрафоваться. Но и это не помогло. Ребята продолжали бастовать.

Тогда уездные власти вызвали на суд 32 родителей с целью срыва забастовки. Но демонстрации детей и родителей, к которым присоединились и ученики других школ, заставили властей отказаться от этого суда.

Через несколько дней после демонстрации несколько родителей снова были арестованы.

Забастовка сплотила ребят. Они распространяли листовки со своими требованиями, а в день суда над родителями снова пошли с плакатами, требуя их освобождения и открытия в деревне школы.

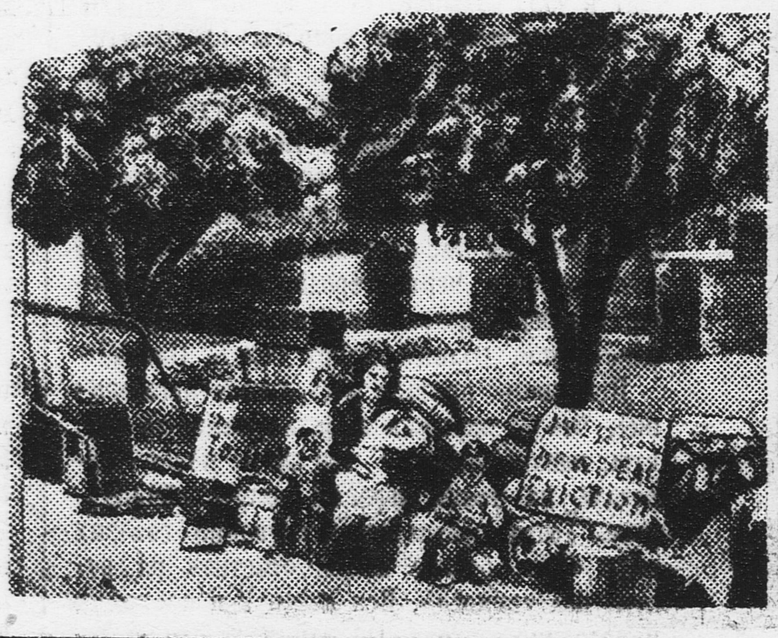
Юные забастовщики добились победы. Власти перевели детей из разрушенной школы в школу деревни Ронда, находящейся рядом с Требаногом.

Дети начали посещать школу в Ронда, но борьбы за постройку новой школы в Требаноге они не оставили и под руководством пионеров ребята надеются добиться новых побед.

(ИЗ АНГЛИЙСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ГАЗЕТЫ «ДЕЙЛИ УОРКЕР»).

В СТРАНЕ ПРОСЛАВЛЕННЫХ НЕБОСКРЕБОВ

Семья безработного в Лос-Анжелосе, выселенная из квартиры. Мать с тремя детьми, из которых одному всего две недели, выброшена на улицу. Плакат, висящий над немногочисленными вещами, гласит: «Счастливый семейный очаг в Соединенных Штатах».



Городок безработных близ Ситля в штате Вашингтон. Здесь в тесных, грязных, грозящих каждую минуту обвалиться домиках, живут несколько тысяч бездомных и безработных. Но даже и этот городок власти Ситля, которым нет дела до безработных, решили снести.

ОМСКОЕ подполье

На траурном митинге, посвященном памяти ВАЛЕРИАНА ВЛАДИМИРОВИЧА КУЙБЫШЕВА, товарищ МОЛОТОВ сказал:

«Товарищ Куйбышев начал свою революционную жизнь юношей, 50 лет тому назад. Встав еще тогда в ряды большевиков, Валериан Владимирович был всегда верен партии и до конца, до момента смерти на славном боевом посту, сохранял беззаветную преданность партии ЛЕНИНА—СТАЛИНА.

Мы знаем товарища Куйбышева в дореволюционные годы как профессионала-революционера ленинской школы, как строителя большевистского подполья, как организатора рабочих против капитала. Не раз и не два в эти трудные годы борьбы царские власти бросали Валериана Владимировича в тюрьмы и ссылки, стремясь сломить его волю к борьбе. Валериан Куйбышев неизменно, несмотря на все препятствия и опасности, несмотря на малодушие многих, шел избранной им дорогой, дорогой непреклонного большевика. Он был и навсегда останется для нас примером революционной честности, последовательности, стойкости».

Сегодня мы сокращенно печатаем воспоминания В. В. КУЙБЫШЕВА о его работе в большевистском подполье, об аресте делегатов большевистской конференции, о той борьбе, которую вели арестованные большевики против царского суда.

Эти воспоминания товарища Куйбышева, напечатанные в «ПРАВДЕ» от 27 января 1935 года, раскрывают перед всеми ребятами яркую картину бесстрашия большевиков в борьбе с врагами рабочего класса.

У Валериана Владимировича Куйбышева мы должны, как один, учиться революционной стойкости в борьбе за дело ЛЕНИНА—СТАЛИНА.

ПОДГОТОВКА К ЛОНДОНСКОМУ С'ЕЗДУ

Из областного центра мы получили директиву — выбрать делегатов на общегородскую конференцию. После этой конференции должны были быть выбраны делегаты на всероссийский партийный с'езд (речь идет о Лондонском с'езде, состоявшемся в 1907 году).

Мы провели работу по созыву конференции, при чем Константин Андреевич Попов на одном из заседаний комитета сказал нам, что в настоящий момент в Омске присутствует видный товарищ из центра. Фамилия товарища он не назвал, сказав лишь, что товарищ бежал из ссылки, по пути за границу задержался в Омске, и что он перед отъездом оставит нам проекты резолюций по некоторым вопросам. Мы просили задержать отъезд этого товарища с тем, чтобы он присутствовал на нашей общегородской конференции.

Конференция собралась на окраине города, в маленьком доме, в сравнительно большой комнате. Домик снимался на средства нашей организации одним семинаристом, Молодовым.

Нас было 38 человек. Я не буду излагать хода конференции, скажу лишь, что подавляющее большинство делегатов было большевистских. Только 3—4 делегата принадлежали к меньшевикам. Среди нас были три женщины.

Внешняя охрана конференции была поручена трем товарищам. Из них я хотел бы отметить одного парня, пекаря по профессии, которого мы звали Курилкой.

Конференция шла своим чередом. Вдруг, во время речи Абрамовича, влетает Курилка и кричит: «Мы окружены казаками». Между прочим, он был обязан предупредить малейшее появление полиции или казаков. Но, зазевавшись где-то вдалеке от этого здания, Курилка не заметил, как ночью тихо, неслышно подошли казаки и окружили наш дом. Курилка прорвался к нам уже через цепь казаков, которые вначале не хотели его пропускать, а потом, добродушно посмеиваясь, протолкнули его к нам, твердо зная, что так он вернее останется в их руках.

Моментально вслед за взглядом Курилки, что мы окружены казаками, врывается исправник, а за ним полицейский и казачий офицер. С револьвером в руке пристав кричит: «Руки вверх, будем стрелять!» За спинами передних товарищей, которые вынуждены были поднять руки, мы усердно начали уничтожать следы нашего собрания. Тем не менее не все уничтожили. Найденными оказались: писанные рукой Абрамовича с поправками К. Попова резолюции конференции, а также печать Омского комитета РСДРП и несколько прокламаций Омского комитета.

Совершенно неожиданно для нас мы не подверглись обыску в помещении. Нас заставили с поднятыми руками выйти из квартиры, и обыск был произведен в наше отсутствие.

ТЮРЬМА

Нас отправили в омскую городскую тюрьму. К счастью, всех посадили в одну камеру, за исключением трех женщин, которые были отправлены в женский корпус. На другой день мы начали обсуждать, как вести себя при допросе. Обсуждение длилось несколько дней.

Мы решили не только не давать никаких показаний, но не отвечать даже на вопросы о своих фамилиях. Каждый из нас должен был произнести следующую стереотипную фразу: «Я представителям царского суда никаких показаний давать не буду».

Прошло несколько месяцев.

Время заключения в тюрьме мы не теряли даром. «Портной Абрамович» и Константин Андреевич Попов (кстати, тоже юрист) обучали нас, молодежь, и теории и практике революционной борьбы. Кроме того, происходили ожесточенные споры с четырьмя меньшевиками, которые были в нашей среде.

Но вот наступают последние дни перед судом. Окончательно выясняется, что нас будет судить военно-окружной суд. Обвиняться будем по 126 статье Уголовного уложения. Нам грозит максимум 8 лет каторги, минимум—ссылка на поселение.

Однажды Попов и Шанцер созывают общее собрание, и один из них, кажется, Шанцер, произносит приблизительно такую речь:

— Я и товарищ Попов считаем, что мы должны сохранить прежнее наше решение отказаться от приглашения защитников. Они тем более не нужны, что Попов—юрист, а я (Шанцер, естественно, скрывал то, что он—присяжный поверенный.—**В. К.**)—человек, крайне опытный в такого рода процессах. Вы должны предоставить мне с Поповым возможность использовать все ошибки, допущенные полицией во время нашего ареста и ведения следствия, и постараться скомпрометировать полицию и вообще обвинителей.

Начались жаркие прения.

Решили защитников не приглашать, а Шанцеру и Попову выступить с последним словом обвиняемых, чтобы использовать произведенные грубые нарушения законов полицейскими и следственными властями, скомпрометировав все дело.

Нужно сказать, что сидевший среди нас Курилка оказался привлеченным еще по другому делу. Мы узнали об этом только в тюрьме. Однажды он залез в военную каззарму с кипой прокламаций и стал раздавать их солдатам. Когда один из солдат попытался его схватить, он выпрыгнул в окно и исчез. Но внешний вид его был настолько оригинален, что, после ареста его по нашему делу, в нем узнали этого сбежавшего агитатора среди воинских частей. Это было уже дело более серьезное, и тут не было никаких сомнений в неизбежности каторжного приговора.

ВОЕННЫЙ СУД

Нас ведут на суд. Входим в зал. Торжественная обстановка. Кругом военные. На месте военный прокурор. На своем месте военный защитник малолетнего Айзина.

«Суд идет»,—возгласил судебный пристав. Входят пять человек. Все военные. Председатель—генерал Седой, обрюзгший, с виду добродушный, всю жизнь проведший в судебных органах. Прокурор—бравый полковник с академическим и университетским значками.

Напоминаю, абсолютно никаких показаний суду не было дано. Суд мог оперировать исключительно показаниями «свидетелей»—полицейских и казаков, нас арестовавших или обыскивавших.

Начинается допрос свидетелей. Первым вызывается руководитель нашего ареста—исправник. Этот лихой полицейский влетает в зал, козыряет суду, звенит шпорами и бойко отвечает на вопросы председателя. Так как нет защиты, то председатель обращается к обвиняемым—не будет ли с нашей стороны вопросов. Поднимается Попов и задает следующий вопрос: «Скажите, пожалуйста, господин исправник, на каком основании вы нас арестовали, тогда как мы находились в черте города, иными словами, мы были подвластны или жандармской власти или полицмейстеру города Омска?»

Исправник пришел в страшное негодование, что-то зарычал и делал какие-то жесты, показывающие, что он не хочет отвечать на такой дерзкий вопрос обвиняемого. Тогда председательствующий говорит ему: «Нет, будьте добры ответить на вопрос подсудимого». Вся спесь с исправника немедленно слетела. Он начинает что-то лепетать. Из этого лепета можно было разобрать только одно, что он с Иван Иванычем, полицмейстером города Омска, большие приятели и что иной раз он помогает Иван Иванычу, иной раз Иван Иваныч оказывает ему услуги.

Скамья подсудимых хохочет. Но хохот этот еще больше усиливается, когда мы слышим окрик председательствующего: «Ну, знаете, дружба дружбой, а служба службой».

...Свидетель, как мокрая курица, осмеянный, садится на свое место.

Второй свидетель—околоточный надзиратель, производивший обыск в комнате Молодова, то-есть того товарища, который снимал этот домик для партийных собраний. Товарищ Молодов еще в камере говорил нам, что ему были доставлены все вещи, кроме брюк и портмоне, которое было в этих брюках. При чем в портмоне было 10 рублей. Мы этому не придали особенно большого значения, но наши «защитники», Попов и Шанцер, очевидно, учли это обстоятельство и очень хорошо его использовали.

Товарищ Попов обращается к этому околоточному надзирателю с вопросом: «Вы обыскивали комнату Молодова?» Ответ: «Да, я». «Там был сундук с вещами?» «Да, был». «Там были брюки и 10 рублей в кошельке?» «Да, были».

Тогда товарищ Попов, раньше не уверенный, что ему удастся поймать эту ниточку, уже прокурорским тоном начинает допрашивать свидетеля, несколько издеваясь над ним: «А скажите, пожалуйста, куда вы дели эти 10 рублей?» Околоточный надзиратель, грубый и тупой бурбон, очевидно, ничего не подозревая, отвечает, что он эти деньги передал господину полицмейстеру, который прибыл на место ареста уже после нашего увода. Ниточка схвачена, и дальше начинается буквально издевательство над полицейскими.

Вызывают полицмейстера Шмонина. Шмонин, конечно, не знал, что было в зале до его прихода, так как он только что вызван из комнаты свидетелей. Попов уже совершенно прокурорским тоном обращается к Шмонину: «Господин полицмейстер, во-первых, почему мы были арестованы исправником, а не вами? Во-вторых, вам были переданы 10 рублей. Так вот, они не были переданы обвиняемому Молодову».

Полицмейстер повторяет сцену исправника. Он тоже гордо заявляет о своем отказе отвечать на вопросы обвиняемых, тоже что-то рычит, шипит, шея его багровеет. И так же, как в первом случае, председатель суда вынуждает свидетеля отвечать на вопросы обвиняемых. Тогда полицмейстер заявляет, что он действительно помнит, что ему были переданы эти 10 рублей, но кому потом он их передал, он сейчас никак не может вспомнить. Попов просит суд занести в протокол, что деньги попадали из кармана в карман и в чьем-то кармане исчезли. Скамья подсудимых хохочет.

Поднимается прокурор. Это его первое выступление. Мы ждем какой-то сенсации. Он просит слова у председательствующего, делает большую паузу и заявляет: «Я прошу занести в протокол (еще большая пауза. Мы недоумеваем в чем дело.—**В. К.**), я прошу занести в протокол, что брюки также пропали».

Скамья подсудимых уже не сдерживается и не хохочет, а рогочет. Судья близок к тому, чтобы прыснуть. Полицейские сидят посрамленные, уличенные в воровстве и подлогах. Поэтому Попов все время задает каждому из свидетелей вопрос—не он ли принес и подбросил прокламации. Повидимому, у суда начало складываться впечатление, что дело в значительной мере дутое и что полицейские понадеялись таких вещей, которые компрометируют власти.

Как я уже сказал, предполагалось, что в этой квартире собралась боевая дружина. Повидимому, эти сведения собрал исправник. Именно поэтому, желая отличиться, он сам, а не жандармские власти и не полиция, арестовал нас. Делу был придан именно поэтому военный характер. На деле же выяснилось, что при нас, арестованных, да и то только у одного человека, оказался... перочинный нож. Правда, как потом нам рассказывали, у второго арестованного был браунинг. Но этот браунинг, будучи отобран, не фигурировал ни в каких протоколах. Очевидно, и он был украден полицейским.

Мне сейчас, по прошествии 25 лет, очень трудно вспомнить все подробности суда, но было очень много моментов, которые все больше и больше ставили полицию в смешное и жалкое положение.

После допроса свидетелей давали показания эксперты. Они должны были доказать, что рука, вносившая некоторые поправки в проекты резолюций, найденные при обыске, является рукой Попова. Сцена была такая: председатель спрашивает экспертов: — Скажите, пожалуйста, это рука обвиняемого Попова?—Да,—отвечают обе эксперта.—Скажите, но, может быть, это распространенная рука, и, может быть, это простое совпадение?

Эксперты с недоумением смотрят на председателя и молчат. Он говорит: «Так, это распространенная рука. Хорошо, можете итти».

Мы недоумеваем. Настроение суда совершенно неожиданно в нашу пользу. Единственное важное показание против нас, это собственной рукой Попова писанные поправки в резолюциях, отметается. Все остальное мы можем отрицать, потому что обыск произведен в наше отсутствие, протокола обыска мы не подписывали, за все то, что было найдено в наше отсутствие, мы ответственности нести не можем.

Судебное следствие закончено, начинаются речи защитников и прокурора. У нас защитников нет, выступает лишь один защитник малолетнего Айзина. Он говорит только о нем, и по существу только о его малолетстве.

Выступает прокурор. Повидимому, ему вообще присуще говорить с большими назузами, солидно. Он чисто формально излагает дело, заверяет о том, что о боевой дружине здесь не может быть и речи, так как единственное оружие, найденное у обвиняемых,—это перочинный нож, и то в единственном количестве, но все основания есть предполагать, что суд имеет дело с социал-демократической организацией. Поэтому он просит применить к нам 126 статью, такой-то пункт, приговорив нас к 4 годам каторги.

Речь была исключительно формальной. Ни одного аргумента, ни одной попытки доказать. Речь по обязанности. Зато, когда прокурор перешел к обвинению Курилки во втором деле, в деле распространения прокламаций среди войск, его нельзя было узнать. Появился пафос, появилось чувство. Он громил, призывал суд быть бдительным и так далее и настаивал на применении к Курилке максимального наказания по соответствующей статье, кажется, пожизненной каторги.

Слово предоставляется обвиняемым. Последнее слово подсудимых. Мы и сидели на скамье по алфавиту. Первым должен говорить Абрамович (Шанцер).

— Господин Абрамович, хотите ли вы воспользоваться последним словом?

— Пожалуй, воспользуюсь,—говорит он. И вот он начинает речь. Сначала несколько вяловато. Мы смотрим на него с некоторым недоумением. Потом он постепенно расходится, и зал оглашается такой речью, какую, я думаю, едва ли слышал когда-либо омский суд. Это была не оправдательная речь, это была речь обвинителя против полиции, против ее методов работы, против самодержавия. Естественно, Шанцер не перегнул палки в части обобщений и атак царского строя. Но это сквозило в каждом его слове. Полицию он так разделал, что от нее не осталось ни одного живого места. Воровство, подлоги, кумовство — все это было им использовано и использовано необыкновенно ярко и полно.

Отвлекаясь, я должен сказать, что я в жизни своей не встречал такого большого оратора, как товарищ Шанцер. Недаром товарищ Шанцер был прозван Маратом. Это была его постоянная политическая кличка.

Трудно представить себе, какое впечатление произвела эта блестящая речь «портного Абрамовича» на суд и прокуратуру. Даже мы, знавшие Шанцера уже в течение пяти месяцев по совместному тюремному заключению, слушали его, раскрыв рот, так как тюремная обстановка, естественно, не давала повода для проявления его столь большого, столь исключительного ораторского таланта.

Дальше начинается перекличка по алфавиту остальных обвиняемых. Все мы отказываемся от права воспользоваться последним словом. Доходит очередь до Попова. Он берет слово и не столь талантливо, не столь горячо, но с поразительной логикой, более детально доказывает те положения, которые только что привел в своей речи Шанцер-Марат.

Суд удаляется на совещание. Мы сидим в специально отведенной для нас комнате и не можем притти в себя от недоумения. Лично я не помню, что больше нас поразило—необыкновенное ли поведение суда или совершенно необыкновенная речь «портного Абрамовича».

В то обстоятельство, что Абрамович—товарищ из центра и что он—Шанцер-Марат, нас было посвящено только пять или семь человек. Все остальные не сомневались, что это действительно портной Абрамович.

РАЗМОЛВКА МЕЖДУ ВОЕННЫМИ И ПОЛИЦЕЙСКИМИ ВЛАСТЯМИ

Суд совещался 2—3 часа. Мы переговаривались между собой.

Вдруг входит прокурор и направляется прямо к товарищу Абрамовичу.

— Господин Абрамович, вы—портной?

— Да, портной.

— Слушайте, я ничего не могу понять. У меня уже 20-летняя судебная практика, и я уверяю вас, что ни разу в зале суда не была произнесена такая речь, какую произнесли вы; чем это об'яснить?

— Вы знаете, господин прокурор, я портной. Наше дело таково: сидим на нарах, ноги под себя поджав, и все время разговариваем с товарищами на разные темы. Вот так я и приобрел практику, умею болтать.

Прокурор сразу почувствовал иронию в этом ответе, покачал головой: «Да, знаете, это речь, это речь». И ушел.

Мы долго хохотали над прокурором. Наконец нас зовут в зал заседания.

«Встать, суд идет!» Входит суд. Председатель суда читает приговор. Приговор короткий: «Признать всех обвиняемых (обвиняемые перечисляются все снова по алфавиту.—**В. К.**) по 126 статье Уголовного уложения оправданными за неимением доказательств. Признать всех обвиняемых виновными по 124 статье Уголовного уложения и приговорить каждого к одному месяцу крепости».

Что касается Курилки (я, к сожалению, не могу вспомнить его настоящей фамилии), то он был приговорен к 3 годам каторги.

Мы вернулись в камеру. Может быть, это было продиктовано молодостью (мне еще не было 19 лет), но я был страшно огорчен этим приговором; или воля, или каторга, а то вдруг один месяц тюрьмы.

Мы долго ломали голову над этим обстоятельством. Единственное об'яснение в следующем: исправник получил сведения о боевой дружине и пришел арестовывать эту дружину. Повидимому, еще до того, как исправник ворвался в нашу квартиру, генерал-губернатору Западной Сибири генералу Надарову и всем окружным властям было известно, что сейчас будет операция против боевой дружины. Руководить этой операцией геройски согласился исправник. Очевидно, ему чудилось сопротивление, ему чудилась какая-то ужасная организация, которая вот-вот должна была произвести какое-то зверское нападение в городе Омске. После ареста обнаружилось, что в нашем деле нет и элементов боевой дружины. Полицией были сделаны совершенно непростительные ошибки (обыск в отсутствии арестованных). Дело было передано в гражданский суд, а оттуда в военный. Военный суд этого дела принять не хотел, и дело снова было передано в гражданский суд. Тогда генерал-губернатор Надаров настоял на передаче дела все-таки военному суду. Военный суд снова отказался. И, как нам потом стало известно, эта тяжба между генерал-губернатором и военным судом дошла до Петербурга, где спорили уже между собой ведомство юстиции и военная прокуратура. Надаров победил. Дело передали все-таки военному суду, против воли председателя суда. Председатель суда после этой борьбы с генералом Надаровым решил не особенно стараться на суде. И поскольку он не старался, мы постарались сделать обратное, и, повидимому, нам это удалось.

Так генерал Седов, председатель суда, отомстил генерал-губернатору Надарову за то, что он навязал ему это дело.

***

Генерал-губернатор Надаров мог отомстить за свое поражение только единственным способом. Он всех нас подверг административной ссылке. Я поехал в Клинск, Попов—на Волгу. Не помню, куда был направлен Шанцер-Марат. Выборы на всероссийский с'езд от омской организации все же оказались реализованными. Попов был делегатом от омской организации на Лондонский партийный с'езд.

***

Мне хочется сказать о дальнейшей судьбе нашего милого товарища Курилки. Как я уже отметил, он был приговорен к 3 годам каторги. Его живая натура, абсолютно неспособная к покою и неподвижности, понудила его бежать из омской тюрьмы еще до окончания каторги. Я не знаю подробностей этого побега. Знаю только, что, бежав, он остался в том же Омске, не прекращая своей партийной работы. Однажды на какой-то массовке он, гонимый полицейским, бросился в Иртыш, надеясь его переплыть, и утонул.

Товарищ КУЙБЫШЕВ среди ребят.

В период пребывания В. В. КУЙБЫШЕВА в Нарыме политические ссыльные организовали целую сеть бытовых учреждений. Большевики организовали столовую, как место встреч и пропагандистской работы. Но столовая была вскоре закрыта стражниками. На снимке: момент закрытия столовой стражниками. Столовая опечатана, ее имущество выброшено на двор. Слева у стола — В. В. КУЙБЫШЕВ.

О ПРИГОВОРЕ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХСУДА СОЮЗА ССР ПО ДЕЛУ БЫВШИХ СОТРУДНИКОВ УПРАВЛЕНИЯ НКВД СССР ПО ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ МЕДВЕДЯ Ф. Д., ЗАПОРОЖЦА И. В. и др.

23 января с. г. в г. Москве Военная Коллегия Верхсуда Союза ССР, под председательством **В. В. Ульрих,** в составе членов Коллегии **Матулевича** и **Голякова,** рассмотрела дело по обвинению бывшего начальника Ленинградского Управления **НКВД СССР Медведя Ф. Д.,** его заместителей **Запорожца И. В., Фомина Ф. Т.** и сотрудников Ленинградского Управления НКВД СССР **Горина-Лундина А. С., Губина А. А., Котомина М. И., Янишевского Д. Ю., Петрова Г. А., Бальцевича М. К., Мосевича А. А., Белоусенко А. М.** и **Лобова П. М.** в преступлениях, предусмотренных ст. 193/17 п. «а» УК РСФСР.

Данными судебного следствия и признаниями обвиняемых установлено, что бывший начальник Ленинградского Управления НКВД СССР **Медведь Ф. Д.,** его заместители **Запорожец И. В.** и **Фомин Ф. Т.** и сотрудники **Губин А. А., Котомин М. И., Янишевский Д. Ю., Петров Г. А., Мосевич А. А., Белоусенко А. М., Лобов П. М.** и, особенно, **Бальцевич М. К.,** имевший по своей должности непосредственное отношение к делам о терроре, располагая сведениями о готовящемся покушении на тов. **С. М. Кирова,** проявили не только невнимательное отношение, но и преступную халатность к основным требованиям охраны государственной безопасности, не приняв необходимых мер охраны.

Медведь Ф. Д., Запорожец И. В. и **Горин-Лундин А. С.** не приняли мер к своевременному выявлению и пресечению деятельности в Ленинграде контрреволюционной террористической зиновьевской группы, в том числе—убийцы т. **Кирова**—злодея **Л. Николаева,** хотя они имели все необходимые для этого возможности.

Все обвиняемые по настоящему делу полностью признали себя виновными по пред'явленным им обвинениям.

Военная Коллегия Верхсуда Союза ССР **приговорила:**

1) **Бальцевича М. К.**—за преступно-халатное отношение к служебным обязанностям по охране государственной безопасности и за ряд противозаконных действий при расследовании дел—к заключению в концлагерь на 10 лет.

2) **Медведя Ф. Д.** и **Запорожца И. В.**—за преступно-халатное отношение к своим обязанностям по охране государственной безопасности—к заключению в концлагерь на 3 года каждого.

3) **Губина А. А., Котомина М. И.** и **Петрова Г. А.**—за преступно-халатное отношение к служебным обязанностям—к заключению в концлагерь на 3 года каждого

4) **Фомина Ф. Т., Горина-Лундина А. С., Янишевского Д. Ю., Мосевича А. А., Белоусенко А. М.** и **Лобова П. М.**—за халатное отношение к служебным обязанностям—к заключению в концлагерь на 2 года каждого. (ТАСС).

ПАМЯТИ НИКИТЫ СЕНИНА

Бойкую фигуру Никиты часто встречали возле скотного двора. Он менял подстилку, поил водой, чистил подшефную телку.

Шефство—не забава: шефство—честь! И Никита соревновался с другими пионерами—чьи четвероногие подшефники будут лучше.

Смелость, сила воли Никиты поражали взрослых.

— Однажды летом,—вспоминает **ВАСЯ КУРОЧКИН,**—мы пасли телят. Подшефники мирно ходили на лужайке. Вдруг из леса выскочил волк. Мы с криком убежали в деревню. Никита остался один. С дубинкой в руках он угнал волка. Все подшефники были спасены.

Сенин любил колхоз. Он берег социалистическое добро.

Сенину было 14 лет. Он учился в 6 классе Косыньской школы и был душой пионерского отряда. Сенин был деткором и инициатором издания школьной газеты.

Увлекая всех своей жизнерадостностью и работоспособностью, Сенин помогал отстающим ученикам школы, организовал шефство пионеров над колхозной фермой и руководил кружком юных натуралистов деревни.

О «вожатом» своего отряда Андрее Кулакове, творившем безобразия, Сенин писал в школьной и районной газетах: «Как может быть он вожатым?»—и с возмущением перечислял преступления Кулакова.

Никита был настоящим пионером-ленинцем. Будучи членом школьной колхозной редколлегии, активным деткором «Козельской правды», он бесстрашно разоблачал проделки классового врага. Никите угрожали:

— Брось писать, худо будет!

Но разве угрозы врага могут испугать и поколебать юного ленинца?!

Андрей Кулаков, выходец из кулацкой семьи, два раза проворовался, избил пионера Павликова, пьянствовал. Обо всем этом пионер Сенин сообщал козельскому районному комитету комсомола. Но райкомовцы, сейчас наказанные за притупление классовой бдительности, не принимали сигналов. Кулаков оставался «вожатым» и заведывал сельским агентством связи. Пользуясь своим положением, он перехватывал и вскрывал все письма и корреспонденции пионера Сенина.

Кулаков ненавидел Никиту.

В день убийства Кулаков встретил Никиту с метром в руках. Сенин измерял снежный покров. Он был активным корреспондентом Сухиничской метеорологической станции. Он аккуратно вел наблюдения над погодой. Никита хотел быть метеорологом. «Узнавая погоду,—говорил он,—я помогаю нашему колхозу в сельскохозяйственных работах, я укрепляю колхоз».

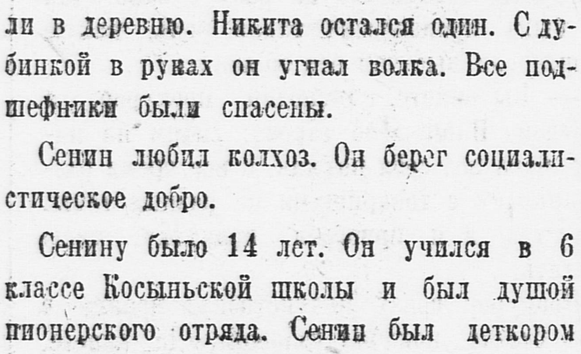
СЕМЬЯ УБИТОГО НИКИТЫ СЕНИНА. На снимке: отец Тимофей Иванович, мать Клавдия Васильевна, брат и сестра — пионеры Вася и Маня, младшие брат и сестра — Катя и Ваня.

К сожалению, Никите не пришлось стать метеорологом. Он пал от руки классового врага.

Небольшая, но яркая жизнь Никиты учит всех советских ребят безграничной любви к родине, смелости в борьбе с классовым врагом.

Б. НАНИЩЕВ.

Западная область,
Козельский район,
деревня Косынь.



Лучший дом села Косынь отдан под ДОМ КОЛХОЗНЫХ РЕБЯТ имени Никиты Сенина.

БУДЕМ СМЕЛЫ, КАК НИКИТА!

Мы оба—пионеры. Потеря нашего любимого брата тяжела, но пусть не торжествует враг! Мы еще лучше будем работать в отряде.

Мы будем такими же, как наш брат Никита, смелыми и решительными, и если нужно—отдадим свою жизнь за дело партии.

Будем выявлять классового врага, разоблачать все его вылазки в школе, в отряде и в колхозе.

Ученики школы имени *Никиты Сенина* *ВАСИЛИЙ СЕНИН,*
МАРИЯ СЕНИНА.

У ГЕРОЕВ КРАСНОЙ АРМИИ УЧИСЬ ЗАЩИЩАТЬ СВОЮ РОДИНУ!

Товарищ **КРИВОШЕЕВ.**

С киркой против бронепоезда

В 1919 году под напором больших сил противника мы временно оставили **Одессу.** Части 45-й дивизии товарища **Якира,** 58-й дивизии товарища **Федько** и остатки 47-й дивизии под командой товарища **Лагофета** оказались отрезанными от своих. Мы были зажаты белыми между станцией Бирзула и Днестром. Снарядов у нас было очень мало. Тогда из всех наших частей образовалась так называемая южная группа и мы пошли напролом сквозь части противника.

Я был в это время комиссаром головного полка и шел со своим полком в авангарде. У местечка Голованиньку мы пересекли железнодорожный путь. Противника поблизости не предвиделось, но я был встревожен: части слишком растянулись. «Надо подтянуть», — думал я и поскакал.

В это время навстречу мне бежит командир эскадрона товарищ **Бражников** и взволнованно кричит:

— Товарищ комиссар! Бронепоезд Петлюры!..

Борьба с озверелыми петлюровскими бандами и с взбесившимися офицерьем научила нас быстро находить выход из любого положения.

— Надо взорвать путь в тылу у противника, — сказал я Бражникову, — а здесь я все сделаю сам.

Бражников быстро уходит, а я беру трех человек и бросаюсь к путевой будке.

...Вьется за косогорами дымок... Близко поезд... Не больше километра отделяет нас от врага... Налетит, расстреляет наши части... Ведь мы почти с пустыми руками...

Нельзя терять ни секунды...

Вбегаем к путевому сторожу.

— Давай ключ! — кричу я. — Гаечный ключ!

Старик бросается, ищет ключ... Секунда кажется мне часом... А поезд противника все ближе и ближе.

В углу стояли какие-то кирки, мотыги...

— Бери! — командую я и хватаю кирку.

...Мы изо всех сил бежим к железнодорожному полотну. Мы кованым киркам по рельсам, разбиваем их...

Поезд близко. Начинает нас обстреливать.

Но, видя, что путь испорчен, останавливается. Кирки путевого сторожа сыграли большую службу.

В это время раздаются выстрелы. Подтянувшиеся наши части открывают огонь...

Петлюровцы, не ожидая такой встречи, спасаются бегством.

Но недолго владели они бронепоездом. Через короткое время мы их бронепоезд разбили на станции Пощельная.

А растерялся мы при появлении бронепоезда петлюровцев — потерпели бы наши части большие потери.

Я рассказал вам, ребята, только один эпизод из боевой обстановки. Их было у меня не мало в героические годы нашей борьбы с белыми армиями. Я участвовал в боях против Махно, Петлюры и Деникина...

Когда мы их разбили и занялись стройкой, я получил извещение: «За боевые заслуги и отличия в боях против банд Махно и Петлюры вы награждены орденом Красного знамени».

С гордостью ношу я этот орден на своей груди, и, когда меня партия и правительство позовут снова в ряды бойцов, я в новых боях покажу, как бьются за свою родину краснознаменцы великой Красной армии.

М. ГОРЬКИЙ

О СКАЗКАХ

С мая 1934 года в «ПИОНЕРСКОЙ ПРАВДЕ» стали печататься народные сказки, в сборе и записи которых принимали активное участие пионеры и школьники. Со всех концов Союза за это время прислано свыше 500 сказок.

Редакция «ПИОНЕРСКОЙ ПРАВДЫ» послала все напечатанные сказки А. М. ГОРЬКОМУ с просьбой поделиться с ребятами своими воспоминаниями о том, что дали ему народные песни и сказки в детстве и какое значение в его работе писателя имело народное творчество.

ОТВЕТ АЛЕКСЕЯ МАКСИМОВИЧА МЫ ПЕЧАТАЕМ СЕГОДНЯ.

Вы спрашиваете: что дали мне народные сказки, песни?

С живописью словом, с древней поэзией и прозой трудового народа, — с его литературой, которая в первоначале своем появилась до изобретения письменности и называется «устной» потому, что передавалась «из уст в уста», — с литературой этой я познакомился рано — лет шести—семи от роду. Знакомили меня с нею две старухи: бабушка моя и нянька Евгения, маленькая, шарообразная старуха с огромной головой, похожая на два кочана капусты, положенных один на другой. Голова у Евгении была неестественно богата волосами, волос — не меньше двух лошадиных хвостов, они — жесткие, седые и курчавились. Евгения туго повязывала их двумя платками, черным и желтым, а волосы все-таки выбивались из-под платков. Лицо у нее было красное, маленькое, курносое, без бровей, как у новорожденного младенца, в это пухлое лицо вставлены и точно плавают в нем синенькие, веселые глазки.

Рисунок Е. Белуха к книге М. Горького «В людях».

Бабушка тоже была богата волосами, но она натягивала на них «головку» — шелковую шапочку вроде чепчика. Нянька жила в семье деда лет двадцать пять, если не больше, «нянчила» многочисленных детей бабушки, хоронила их, оплакивала вместе с хозяйкой. Она уже воспитала и второе поколение—внуков бабушки, и я помню старух не как хозяйку и работницу, а как подруг. Они вместе смеялись над дедом, вместе плакали, когда он обижал одну из них, вместе потихоньку выпивали рюмочку, две, три. Бабушка звала няньку — Еня, нянька ее — Акуля, а, ссорясь, кричала:

— Эх, ты, Акулька, черная ведьма!

— А ты — седая ведьма, мохнатое чучело, — отвечала бабушка. Ссорились они нередко, но — на короткое время, на час, потом мирились, удивлялись:

— Чего орали? Делить нам — нечего, а орём. Эх, дурёхи...

Если раскаяние старух слышал дед, он подтверждал:

— Верно: дуры.

И вот, бывало, в зимние вечера, когда на улице посвистывала, шаракалась, скреблась в стекла окон вьюга или потрескивал жгучий мороз, бабушка садилась в комнатенке рядом с кухней плести кружева, а Евгения устраивалась в углу, под стенными часами, прясть нитки, я влезал на сундук, за спиной няньки, и слушал беседу старух, наблюдая, как медный маятник, раскачиваясь, хочет стесать затылок няньки. Сухо постукивали коклюшки, жужжало веретено, старухи говорили о том, что ночью у соседей еще ребенок родился — шестой, а отец все еще «без места», поутру его старшая дочь приходила хлеба просить. Очень много беседовали о пище: за обедом дед ругался — щи недостаточно жирны, телятина пережарена. У кого-то на именинах Успенскому попу гитару сломали. Попа я знаю, он, бывая в гостях у деда, играет на гитаре дяди Якова, он — огромный, гривастый, рыжебородый, с большой пастью и множеством крупных белых зубов в ней. Это — настоящий поп, тот самый, о котором рассказывала нянька Евгения. А рассказывала она так: задумал бог сделать льва, слепил туловище, приладил задние ноги, приспособил голову, приклеил гриву, вставил зубы в пасть — готово! Смотрит, — а на передние ноги материалу нет. Позвал черта и говорит ему: «Хотел сделать льва — не вышло, в другой раз сделаю, а этого, негодника, бери ты, дурачина». Черт обрадовался: «Давай, давай, я из этого дерьма попа сделаю». Приклеил черт негоднику длинные руки, — сделался поп.

В доме деда слово «бог» звучало с утра до вечера: бога просили о помощи, приглашали в свидетели, богом пугали — накажет! Но, кроме словесного, никакого иного участия божия в делах домашних я не чувствовал, а наказывал всех в доме дедушка.

Из сказок няньки бог почти всегда являлся глуповатым. Жил он на земле, ходил по деревням, пугался в разные человечьи дела, и все неудачно. Однажды застиг его в дороге вечер, присел бог под березой отдохнуть, — едет мужик верхом. Богу скушно было, остановил он мужика, спрашивает: кто таков, откуда, куда, то да се, незаметно ночь подошла, и решил бог с мужиком переночевать под березой. На утро проснулись, глядят, — а кобыла мужикова ожеребилась. Мужик обрадовался, а бог и говорит: «Нет, погоди, это моя береза ожеребилась». Заспорили: мужик — не уступает, бог — тоже. «Тогда идем к судьям», — сказал мужик. Пришли к судьям, мужик просит: «Решите дело, скажите правду». Судьи отвечают: «Искать правду — денег стоит, дайте денег — скажем правду!» Мужик был бедный, а бог — жадный, пожалел денег, говорит мужику: «Пойдем к архангелу Гавриле, он даром рассудит». Долго ли, коротко ли—пришли к архангелу. Выслушал их Гаврила, подумал, почесал за ухом и сказал богу: «Эго, господи, дело простое, решить его легко, а у меня вот какая задача: посеял я рожь на море-океане, а она не растет?» «Глупый ты, — сказал бог, — разве рожь на воде растет?» Тут Гаврила и прижал его: «А береза может жеребенка родить?»

Иногда бог оказывался злым. Так однажды шел он ночью по деревне со святым Юрием, во всех избах огни погашены, а в одной горит огонь, окошко — открыто, но занавешено тряпкой и, как будто, кто-то стонет в избе. Ну, богу все надо знать. «Пойду, взгляну, чего там делают», — сказал он, а Юрий советует: «Не ходи, нехорошо глядеть, как женщина родит». Бог не послушал, сдернул тряпку, сунул голову в окно, а бабка-повитуха как стукнет его по лбу молочной крынкой — р-раз! Даже крынка — в черепки. «Ну, — сказал бог, потирая лоб, — человеку, который там родился, счастья на земле не будет. Уж я за это ручаюсь». Прошло много времени, лет тридцать, снова бог и Юрий идут полем около той деревни. Юрий показал полосу, где хлеб взошел гуще и выше, чем на всех других полосах. «Гляди, боже, как хорошо уродила земля мужику!» А бог хвастается: «Это, значит, усердно молил меня мужик!» Юрий и скажи: «А мужик-то самый

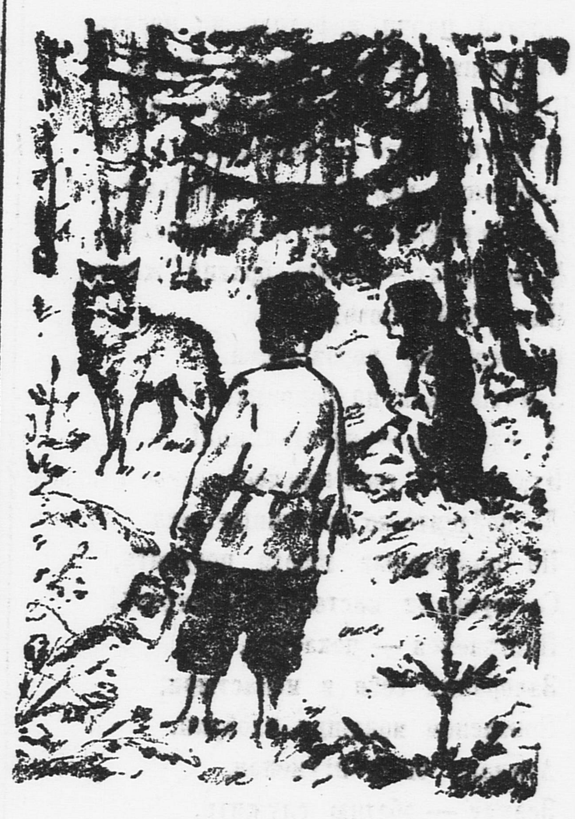


Рисунок Е. Белуха к книге М. Горького «В людях».

тот, помнишь: когда он родился, тебя по лбу горшком стукнули?» «Этого я не забыл», — сказал бог и велел чертям погубить полосу мужика. Хлеб погиб, мужик плачет, а Юрий советует ему: «Больше хлеба не сей, разведи скот». Прошло еще пяток лет, снова идут бог да Юрий полями той деревни. Видит бог: хорошее стадо гуляет, и он снова хвастается: «Ежели мужык меня уважает, так и я мужика ублажаю» *). А Юрий — не утерпел, опять говорит: «А это скот того мужика...» Послал бог «моровую язву» на скот, разорил мужика. Юрий советует разоренному: «Пчел заведи». Миновали еще года. Идет бог, видит: богатый пчельник, хвастает: «Вот, Юрий, какой есть пчеляк счастливый у меня». Смолчал Юрий, подозвал мужика, шепнул ему: «Позови бога в гости, накорми медом, может, он от тебя отвяжется». Ну, позвал их мужик, кормит медом сотовым, калачами пшеничными, водочки поставил, медовухи. Бог водочку пьет, а сам все похвастывает: «Меня мужик любит, он меня уважает!» Тут Юрий третий раз напомнил ему про шишку на лбу. Перестал бог мед есть, медовуху пить, поглядел на мужика, подумал и сказал: «Ну, ладно, пускай живет, больше не трону!» А мужик говорит: «Слава те, боже, а я помру скоро, уж я всю мою силенку зря изработал».

Бабушка, слушая такие сказки, посмеивалась, а иной раз хохотала до слез и кричала:

— Ой, Енька, врёшь! Да разве бог — такой? Он же — добрый, дурёха!

Нянька, обижаясь, ворчала:

— Это — сказка, а не быль. И тоже есть и такой бог, вот возьми его у дедушки Василия...

Они начинали спорить, и это мне было досадно; спор о том, чей бог настоящий, неинтересен, да и непонятен был мне, я просил бабушку и няньку спеть песню, но они поочередно и сердито кричали на меня:

— Отвяжись! Отстань!

Лет восьми я знал уже трех богов: дедушкин — строгий, он требовал от меня послушания старшим, покорности, смирения, а у меня всё это было слабо развито, и, по воле бога своего, дедушка усердно вколачивал качества эти в кожу мне, бог бабушки был добрый, но какой-то бессильный, ненужный; бог нянькиных сказок, глупый и капризный забавник, тоже не возбуждал симпатий, но был самый интересный. Лет 15—20 спустя я испытал большую радость, прочитав не-

*) Ублажать — делать, дарить благо.

(Окончание смотри на 8-й странице).

М. ГОРЬКИЙ

О СКАЗКАХ

которые из сказок няньки о боге в сборнике «Белорусских сказок» Романова. По сказкам няньки выходило, что и все на земле глуповато, смешно, плутовато, неладно, судьи — продажны, торгуют правдой, как телятиной, дворяне-помещики — люди жестокие, но тоже неумные, купцы до того жадны, что в одной сказке купец, которому до тысячи рублей полтины нехватало, за полтинник продал ногайским татарам жену с детьми, а татаре дали ему полтину подержать в руках, да и угнали его в плен, в Крым к себе, вместе с тысячей рублей, с женою и детьми. Я думаю, что уже тогда сказки няньки и песни бабушки внушили мне смутную уверенность, что есть кто-то, кто хорошо видел и видит все глупое, злое, смешное, кто-то, чужой богам, чертям, царям, попам, кто-то очень умный и смелый.

Я рано, вероятно, лет восьми, почувствовал, что такая сила существует, это чувство внушалось мне резким различием между сказками, песнями и жестокой жизнью, которая окружала, душила, толкала меня, всячески обижая. Сила эта, конечно, не няньки Евгении, ее все в доме считали «выжившей из ума», и даже верная ее подруга бабушка часто говорила ей:

— Ох, и глупа ты, Енька!

Сила эта чувствовалась за сказками и песнями, бабушка знала их бесконечно много. Дед не любил, когда она пела.

— Ну, завыла! — сердито покрикивал он. — Молитв, дура, не знаешь ни одной, а песен у тебя, как волос! Вот обрежу волосья-то...

Но когда он уходил из дома или работал в мастерской, на дворе, бабушка, непрерывно постукивая коклюшками, командовала няньке:

— Ну-ко, Енька, заводи.

И тоненьким горловым голоском, похожим на звук дудочки пастуха, нянька запевала:

«Ой, да собирались наши шерстобиты...»

Бабушка, голосом погуще, подхватывала:

«Во отхожие, в далеки промысла»...

Почти все песни резко разноречили с обычными темами житейских бесед няньки, бабушки и всех в доме, бесед о том, что картофель в подполье прорастает, надо его перебрать, пересыпать золой, что кто-то «заложил» деду кашмировую шаль и серебряные ложки, о том, как к моей матери сватается одноглазый часовщик Яковлев, а она не хочет выходить замуж за него, хотя у одноглазого три тысячи в банке лежит, — вообще говорили о быте сытом, зажиточном. А песни пели о жизни трудной, голодной, несчастной. Я и до сего дня отлично помню, как два старушечьих голоса негромко, нестерпимо заунывно выпевают бурлацкую жалобу:

«Ой — ёей, ой — ёей,
Дует ветер верховой!
Мы идё-о-ом босы, голодны,
Каменьё-о-ом ноги порваны.
Ты пода-а-ай, Микола, помочи,
Доведи-и-и, Микола, до ночи!
Эй, ухнем! Да ой ухнем!
Ша-агай крепче, друже,
Ло-ожись в лямку туже!
Ой-ой, обей...»

На меня этот вой действовал раздражающе, я ревел и просил не петь эту бесконечную песню. Нянька сердилась на меня, уговаривала:

— Дурачок, — чего боишься? Не про волков поем.

— Ну, давай повеселее, — предлагала бабушка. Песня «повеселее» тоже не казалась мне веселой.

(Начало смотри на 7-й странице)

ООО

«Родила детей Устюша — не думала,
Народила семерых — пригорюнилась.
Ой, да чем же их кормить, поить,
Ой, да как же уму-разуму учить?»

Запевка звучала как будто весело, а дальше песня становилась все более тягучей, печальной. Я уже, разумеется, не помню эти песни целиком, в памяти остались только отрывки, отдельные строки. Лет с пятнадцати я начал записывать те из них, которые мне наибольше нравились, но в кочевой жизни моей тетради записок легко терялись, а две, в которых много было записано казанских и вятских и других песен, отобрали при аресте нижегородские жандармы и не возвратили мне. Особенно часто старухи пели веселую разбойничью песню, я помню ее не всю и, вероятно, в искаженном виде, а в памяти она осталась крепче других, потому что бабушка пела ее, смешно притопывая ногой и ловко вторя треском коклюшек:

Рисунок Е. Белуха к книге М. Горького «В людях».

«Эх, ребята, да — куда же мы пойдем?
Где покажем удаль, силушку свою?
В городах — воеводы сидят,
Мужикам — воеводами не быть,
Золотой парчи кафтанов не носить,
Во степях — там татаре снуют,
Ищут — где, кого пограбить им,
Супроти ногаев — мало нас,
Зазарканят нас татаре, перебьют,
Кто останется — в полон уведут,
В деревнях — нища братия живет,
Нам отцами доводится,
С господами хороводится.
Замахнешься на боярина,
А ударишь — крестьянина!
Эх, ребята, горе-горькое!
Да пойдемте-ко во темные леса
На просторные дороги погулять,
Со купцами кистенями поиграть!
Наиграемся — покаемся,
Захороним себя в монастыри,
Поналенем монашьи клобуки.
Атаману быть игуменом,
Эсаулу — обедню служить,
Нам, монахам,— монашенок любить!»

Разбойников я любил, дед рассказывал о них так хорошо и похвально, что мне казалось: жалеет он, что не пошел в разбойники, а на всю жизнь сделался красильщиком. В добрый час я даже спросил его: «Жалеешь?»

— Разбойников казнят, плетями секут, — ответил он, и это было не убедительно: меня тоже секли за озорство, а я все-таки и все больше озорничал, — к этому меня толкала тяжелая и сердитая скука жизни. Чудеса сказок и песен были не ежедневны и даже не очень часты, но ежедневно у нас в доме, полном мелкой, хитренькой и подлой «нечистой силы», творились другие чудеса.

В кухне, под печью, жил «хозяин», «домовой», бабушка сказывала, что это — маленькое, мохнатое, зеленоглазое существо, похожее и на ежа и на котенка, но двуногое. Днем он сидел смирно, а ночью вылезал, топал по всем комнатам, возился на чердаке, гонял крыс и мышей под полом и вообще развлекался пустяками: удерживал под печкой кочергу так, что ее нельзя было сразу вытащить, бросал на пол ухваты, надбивал посуду — на горшках, плошках, тарелках являлись трещины, наполнял дом шорохом, скрипом, треском и вообще мелко, но непрерывно и назойливо вредительствовал.

Я в домового верил. Ночами, просыпаясь, прислушивался к тихому, воровскому шуму его забав, ждал, что он вскочит ко мне на сундук, начнет щекотать или откусит нос, оторвет ухо. Было очень неприятно ожидать таких поступков, и некоторое время я даже прятал под подушку фунтовую гирю для обороны против «хозяина». Но однажды рано утром, когда пили чай, на чердаке что-то упало, затем раздался еще и еще удар. Кто-то крикнул:

— Ой, что это?

Дед, нахмурясь, перекрестился, взял железный аршин и пошел на чердак, за ним последовал мастер Григорий, испуганно, молча пошли и все другие. Дед вернулся очень скоро и сердито сказал:

— Домовой балует, три кирпича из дымохода выломал. Это он — не к добру.

А кирпичи выковырял я, выковырял, но чтоб они не выпали, укрепил их лучинками. В ту пору был Петров пост, в доме благочестиво ели постные щи с грибами сушеными, толокно, овсяной кисель, квашеную капусту. Мне все это не нравилось. Работая под крыс, я таскал куриные яйца и питался ими, но сырые они были невкусны. Тогда я решил сделать в дымоход горнушку, надеясь, что яйца испекутся в ней, но раньше, чем я успел убедиться в правильности этой затеи, «домовой» разрушил ее. Этим он убил сам себя — я перестал верить в то, что он существует.

Домовой исчез, остались черти. Они злостно действовали всюду: в подполье, в погребе, на чердаке и по всем комнатам дома. Они выпускали квас из бочки, топили крыс и мышей в рассоле огурцов, подсовывали кошек под ноги людей, воровали и прятали разные мелкие вещи — ножницы, ключи, наперстки, нужно было ходить из комнаты в комнату, упрашивая:

— Чорт, чорт — поиграй, да назад отдай!

Эта фантастика домашних чудес была обыденна, мелка, бесцветна и очень скоро надоела мне. Черти были приятно забавны только тогда, когда о них рассказывала бабушка, но она обо всем умела рассказать так, что от ее слов всегда оставалось незабываемое до сего дня чувство крылатой радости. Чудеса ее песен и стихов, нянькиных сказок возбуждали желание самому творить чудеса. Нянька Евгения боялась чертей и брезговала ими как «нечистью» — лягушками, мышами. Дед тоже охотно и даже с умилением рассказывал о чудесах угодников божьих, о том, как они ловили чертей в рукомойниках и, оседлав чорта, летали верхом на нем из Москвы в Палестину, в Иерусалим слушать обедню, при чем путешествие туда и обратно отнимало всего час времени.

Что же дали мне песни и сказки? Я уже упомянул, что за сказками, за песнями мною чувствовалось какое-то сказочное существо, творящее все сказки и песни. Оно, как будто, и не сильное, но умное, зоркое, смелое, упрямое, всё и всех побеждающее своим упрямством. Я говорю — существо, потому что герои сказок, переходя из одной в другую, повторяясь, слагались мною в одно лицо, в одну фигуру.

Иллюстрация к книге М. Горького «Детство». Гравюра на дереве американского художника Абрамовича.

Существо это совершенно не похоже на людей, среди которых я жил, и чем взрослее становился я, тем более резко и ярко видел я различие между сказкой и нудной, жалостно охающей, будничной жизнью ненасытно жадных, завистливых людей. В сказках люди летали по воздуху на «ковре-самолете», ходили в «сапогах-скороходах», воскрешали убитых, спрыскивая их мертвой и живой водой, в одну ночь строили дворцы, и вообще сказки открывали передо мной просвет в другую жизнь, где существовала и, мечтая о лучшей жизни, действовала какая-то свободная, бесстрашная сила. И, само собой разумеется, устная поэзия трудового народа, — той поры, когда поэт и рабочий совмещались в одном лице, — эта бессмертная поэзия, родоначальница книжной литературы, очень помогла мне ознакомиться с обаятельной красотой и богатством нашего языка.

Мне было лет двенадцать, когда я спросил деда: зачем чертям в рукомойниках сидеть? Чорт — не рыба, ему в воде — неудобно. Если черти невидимы, как же можно поймать чорта и ездить верхом на нем? Все это — непонятно. А вот в сказках — понятно: там летают на коврах, скоро ходят в сапогах...

— Дурак, — сказал дед, усмехаясь, а затем нахмурился и добавил: — болван.

После чего крепко ударил меня по затылку и выгнал вон из комнаты. Я уже тогда пробовал служить «в людях», был некоторое время «мальчиком» в магазине обуви, у меня подживали руки, обваренные кипящими щами, бабушка забинтовала их тряпками, и я маялся от нестерпимого зуда в коже.

Помню — выскочил в сени, встал в двери на двор. Дальше путь был занавешен густейшим дождем, он изливался на землю обильно и стремительно, даже с воем, со свистом. Мне тоже хотелось выть волком. Я высунул забинтованные руки под дождь, и он быстро успокоил и зуд кожи и обиду. Может быть с того дня я потерял уважение к деду и всякий интерес к чудесам угодников божиих. И мне еще больше дороги стали герои сказок. Позднее, когда я внимательно почитал литературу церковников — «жития святых», мне стало ясно, что чудеса, о которых рассказывает церковь, заимствованы ею из мудрых, древних сказок, так что и тут, — как везде и во всем, — церковники жили за счет здоровой, возбуждающей разум творческой силы трудового народа.

Адрес редакции: Москва, центр, Новая площадь, 10. Тел. 2-89-24, 1-35-64. Редакция принимает от 10 до 5 часов вечера. Ответ. редактор А. ГУСЕВ.
Выходит через день. Подписная цена 1935 г.: на 1 месяц — 45 к., на 3 мес. — 1 р. 35 к., на 6 мес. — 2 р. 70 к., на 12 мес. — 5 р. 40 к.

Уполномоченный Главлита В—16228. Типография газеты «Правда» им. Сталина, Изд. № 68.